

Форд, произнеся последнее слово, быстро поднялся и помахал рукой приближающемуся герцогу Уилсону, на его лице уже застыла мягкая и осторожная улыбка.

Герцог Уилсон подошел ближе, с некоторым недоумением глядя на Эвана и Форда. Он только что видел, как Форд наклонился к Эвану, а на лице Эвана, обычно мягком, сейчас читалась легкая холодность. Что за отношения были между этими двумя?

— Ваша светлость, — Форд почтительно поклонился.

Герцог Уилсон не особенно хорошо относился к Форду, поэтому лишь слегка поднял руку в ответ:

— Мистер Форд, что привело вас сюда сегодня?

Форд слегка улыбнулся:

— Я пришел, чтобы пригласить пастора Брюса совместно решить вопрос о присвоении церковного имущества.

Герцог Уилсон невольно нахмурился:

— Здоровье пастора все еще слабое, как он сможет заниматься такими делами?

Форд опустил глаза, в его взгляде мелькнул холодный блеск.

— Не беспокойтесь, я ни в коем случае не стану обременять пастора Брюса. Мы пригласим миссис Джонсон в поместье Корнуолл, так что пастору не придется куда ехать.

Слова Форда звучали очень убедительно, и если бы Эван не знал о его злых намерениях, он тоже мог бы поддаться его обаянию. Эван опустил глаза, слегка поглаживая манжету своего рукава, не произнося ни слова.

Герцог Уилсон задумчиво посмотрел на Эвана и наконец кивнул:

— Это действительно хорошее решение.

Эван, в конце концов, был человеком церкви, и герцог Уилсон не мог отказать в таком разумном прошении.

Форд с удовлетворением кивнул:

— Пастор Брюс уже согласился, а теперь и вы дали свое согласие. Это просто замечательно.

Герцог Уилсон бросил на Эвана косой взгляд, на его лице мелькнула вежливая улыбка.

После возвращения герцога Уилсона Форд не задержался надолго и вскоре попрощался.

После его ухода атмосфера между герцогом Уилсоном и Эваном стала странно напряженной. Герцог налил Эвану чашку черного чая, долго размышлял и наконец спросил:

— Что вам сказал мистер Форд? Почему вы выглядите таким расстроенным?

Эван с трудом улыбнулся герцогу Уилсону:

— Ничего... ничего особенного...

Он облизал сухие губы, быстро обдумывая свои ответы.

Герцог Уилсон, видя его состояние, еще больше забеспокоился и снова настаивал:

— Что с вами? Пожалуйста, расскажите мне!

Его голос звучал с тревогой и беспокойством, заставляя Эвана невольно взглянуть на него.

— Я... — Эван открыл рот, но не смог выговорить.

— Ничего серьезного, — в конце концов он не смог сказать и медленно опустил голову.

Герцог Уилсон, видя его таким, крепко нахмурился. Ему не нравилось, что Эван что-то скрывал, это заставляло его чувствовать, что он исключен из мира Эвана.

— Пожалуйста, расскажите мне! — Он с некоторой настойчивостью схватил руки Эвана, заставив его поднять голову и прямо посмотреть в его тревожные глаза, сказав твердо:

— Я считаю вас своим лучшим другом. Если у вас есть проблемы, вы должны мне рассказать!

Эван, глядя в глаза герцога Уилсона, почувствовал некоторую неловкость, в его сердце мелькнуло сложное чувство. Этот человек иногда был таким...

— Ваша светлость, — Эван успокоил свои эмоции и наконец обрел хладнокровие:

— В молодости я совершил ошибку, которую до сих пор не могу себе простить. Но по некоторым причинам я должен хранить молчание. Для меня это слишком тяжело, я не могу никому рассказать, даже Господу. Я могу только нести этот грех до конца своих дней, делая все возможное, чтобы покаяться перед Господом и искупить свою вину.

Эван опустил глаза, не смея смотреть на герцога Уилсона, его голос звучал низко и печально. Герцог Уилсон, услышав это, замер, прямо глядя на красивое лицо Эвана, чувствуя некоторую растерянность.

Спустя некоторое время герцог Уилсон наконец нашел свой голос и тихо сказал:

— Что... что вы сделали?

Эван вздохнул:

— Ваша светлость, это мое обещание умершему, я не могу его нарушить. Пожалуйста, не заставляйте меня.

На самом деле Форд не знал, что его отец уже давно заметил его отношения с Эваном. Его отец когда-то искал Эвана, чтобы тот оставил его сына, но тогда Эван не воспринял это всерьез. Только после того, как Форд признался в своих чувствах, он понял серьезность ситуации. Теперь этот уважаемый граф уже умер, и для Эвана такой щит был как нельзя кстати.

Герцог Уилсон смотрел на Эвана, не зная, что сказать. Он знал характер Эвана, если тот не хотел говорить, то он никогда не узнает, что произошло. Но что еще более раздражало, так это то, что это было связано с Фордом. В глазах герцога Уилсона мелькнул мрачный свет, он должен был разобраться в этом деле.

— Пастор, — герцог Уилсон опустился на одно колено перед Эваном, прямо глядя в его опущенные глаза, в которых мерцал мягкий свет:

— Ваш характер всем известен, я верю, что вы говорите это из доброты к другим. Не беспокойтесь, наша дружба не пострадает из-за этого. Вы навсегда останетесь самым благородным джентльменом в моем сердце.

Эван с горькой улыбкой посмотрел на герцога Уилсона:

— Мой дорогой герцог, спасибо за вашу поддержку. Но если бы вы знали, что я сделал, вы бы так не сказали.

Он устало отвернулся и медленно откинулся на спинку кресла.

Глядя на усталое лицо Эвана, герцог Уилсон почувствовал сильную боль. Он не знал, что могло причинить ему такую боль, но он был уверен, что человек вроде Эвана никогда бы не сделал ничего, что выходило бы за рамки его представлений. Для него Эван был самым чистым и добрым человеком на свете, и даже если он чувствовал вину, это, скорее всего, было из-за его чистоты души, которая заставляла его преувеличивать мелкие ошибки, мучившие его все эти годы.

Думая об этом, герцог почувствовал еще большее огорчение. Он почти с нежностью смотрел на

Эвана, на его мужественный профиль, и ему почти хотелось протянуть руку и разгладить его нахмуренные брови.

В конце концов герцог Уилсон сдержал свой порыв. Он слегка кашлянул, медленно встал и мягко сказал:

— Уже поздно, давайте зайдем внутрь.

На следующий день, сразу после обеда, слуга доложил, что мистер Форд и миссис Джонсон просят аудиенции. Эван как раз обсуждал с герцогом вопросы искусства, и, услышав это сообщение, атмосфера между ними стала немного напряженной.

Герцог Уилсон взглянул на Эвана, который опустил глаза и молчал, хотел что-то сказать, но в конце концов промолчал, лишь произнес:

— Проводите их в гостиную, я скоро выйду.

Слуга поклонился и удалился, а герцог Уилсон подошел к Эвану, смотря на него сверху вниз, и мягко сказал:

— Я спущусь с вами. Я тоже жертвователю церкви, у меня есть право вмешаться в это дело.

Эван поднял глаза на герцога Уилсона, его мужественный профиль был наполовину скрыт в тени, что придавало ему странную красоту. Эван слегка улыбнулся, но на его лице было выражение благодарности:

— Спасибо за вашу щедрость.

Герцог Уилсон улыбнулся, помог Эвану подняться с мягкого кресла и направился с ним вниз.

Раны Эвана уже почти зажили, но спускаться по лестнице все еще нужно было осторожно. Он намеренно опирался на герцога Уилсона, используя его силу, чтобы спуститься вниз.

<http://bllate.org/book/15268/1347585>